

Торжество Православия через 600 лет: понимание праздника патр. Геннадием Схоларием.

В докладе будет предпринята попытка показать, как автор XV в. воспринял идею Торжества Православия, отчасти сформулированную в Синодике в Неделю Православия. Доклад будет основываться преимущественно на двух источниках: «Слово на Торжество Православия в первое воскресенье Великого Поста»¹ будущего патриарха Геннадия Схолария и «Синодик в Неделю Православия»². Я постараюсь показать, как сюжетные линии текста 843-4 г. воспринимаются, обыгрываются и видоизменяются автором спустя 600 лет.

«Слово на Торжество...» обычно относят к 1444 г., то есть к тому времени, когда будущий патриарх Геннадий занимал светскую должность одного из четырех «вселенских судей ромеев» и носил имя Георгий Куртесий. Около 1442 г. под влиянием своего учителя свт. Марка Ефесского Георгий меняет свою активную проуниатскую позицию на антиуниатскую и пишет серию антилатинских трактатов. Несогласие Георгия с императорской политикой по вопросу унии в 1450 г. привели к его вынужденному удалению в монастырь и принятию пострига с именем Геннадий при императоре Константине XI Палеологе. После разрыва отношений с императорским домом Геннадий становится во главу православной оппозиции. Следы антилатинской полемики мы находим и в «Слове».

Рассмотрим последовательно сначала те сюжеты, которые перешли из Синодика в «Слово», а затем те новые смыслы, которые вкладывает Геннадий в идею Торжества Православия. Из общего между Синодиком и «Словом» можно выделить: 1) Описание ереси в военных терминах, понимание догматических споров как «войны», а Торжества Православия как «победы над противником»; 2) Образ «зимы» и «весны» для передачи идеи ереси и Торжества соответственно; 3) Отношение к епископам-еретикам как к «несвященным», «лжеиерархам» и, таким образом, идея преемственности и неповрежденности иерархии, к которой еретики никогда не принадлежали; 4) Подозрительное отношение к философии. Из новых идей мы рассмотрим: 1) Изменение значения праздника с «торжества иконопочитания» на «торжество над всеми ересями», 2) Переход с внутренних ересей на внешние: антилатинская полемика.

«Слово» состоит из 16 глав, которые можно структурировать следующим образом:

1. Вступление (гл. 1): смысл праздника.
2. История ересей и гонений на Церковь до VII Собора (глл. 2-12): языческие гонения, манихеи, Савеллий, Арий, Македоний, Несторий, монофизиты, монофелиты, иконоборцы.
3. Дальнейшие заблуждения (гл. 13): Итал, Нил, Варлаам
4. Классификация ересей и еретиков (гл. 14)
5. Пожелание царям и пастырям и молитва (глл. 15-16)

Война

Богослужение Торжества Православия соединяет в себе две темы. Это - наступление церковного единства, у врачевание раны Церкви (канон утрени прп. Феофана Начертанного)

¹ M. Jugie, L. Petit, and X.A. Siderides, *Oeuvres complètes de Georges (Gennadios) Scholarios*, vol. 1. Paris: Maison de la bonne presse, 1928: 1-246. Gennadius Scholarius Theol., *Orationes et Panegyrici*. Oratio 6. Εἰς τὴν ἑορτὴν τῆς ὀρθοδοξίας ἐν τῇ πρώτῃ κυριακῇ τῶν νηστείων. Рус. пер.: Проповеди св. Геннадия II (Георгия) Схолария, патриарха Константинопольского/ пер. архим. Амвросий (Погодин), ред. Г.М. Прохоров. СПб.: 2007. В докладе по большей части будет дан авторский перевод.

² Le Synodikon de l'Orthodoxie: édition et commentaire / J. Gouillard, ed. P., 1967 (= Travaux et Memoires; 2) .

и тема победы над противником (Синодик и канон, поющий перед его чтением). Синодик, позиционируя себя как «памятник победы над противником» («κατὰ τῶν ἀντιπάλων τροπαίου», *Synodikon...* 1. 52), при описании иконоборчества использует военную терминологию.

Автор решительно заявляет свою позицию: после установления иконопочитания появились победившие и побежденные. Рассказ ведется от собирательного «мы», иногда уточняемого эпитетом «недостойные». Без малого тридцать лет «мы» претерпевали поругания³, притеснения⁴, тяготы⁵. Лицу «мы» противопоставлены «враги Господни»⁶, или преследователи⁷, противники⁸. Отношение «мы» - «враги» - Господь по Синодику можно сформулировать так: «враги» беззаконно притесняют, причиняют страдания «нам» и хулят, бесчестят Бога; «мы», при этом, является страдательным лицом и лишь претерпевает несчастья и вызывает к Богу; Бог, главное действующее Лицо, низринул, низверг, посмеялся над «врагами» и явил их трусами и беглецами⁹.

Будущий патриарх Геннадий предлагает свою трактовку событий. Хотя в тексте присутствует и тема единства¹⁰, в целом он придерживается военной линии Синодика, по-своему расставляя акценты. Во-первых, в военных терминах излагается вся история Церкви от начала апостольской проповеди до современного Геннадия времени. Во-вторых меняются местами действующие лица: притесняемой и обижаемой оказывается персонифицированная Церковь или Сам Христос, Истина. Реальным действующим лицом оказывается совокупность святых и «мы». Между православными и еретикам разгорается война, описанная в самых ярких красках. Синодик снова оказывается «памятником победы», «обелиском в честь прежних битв» («τροπαίων», «ἡ στήλη τῶν προτέρων ἀγώνων» 1:13-14), воздвигнутым, чтобы «потомки были более мудрыми, сознавая, чем вызваны эти борения и произволения каждого из вооружившихся и участвовавших в борьбе и суды о них Божии»¹¹.

Прежде всего «нечестивцы обострили на Церковь свои разнузданные языки и подняли на нее руку» («κατ' αὐτῆς τὰς ἀκολάστους γλώττας ἠκόνησαν καὶ χεῖρας ἐπῆραν» 1:16-17). Первая схватка состоялась между правителями-язычниками и первыми мучениками: «как упорствовали те, чтобы оборонить ложь ценою гибели своих душ, так и эти беспощадностью к своим телам упорствовали прочно утвердить в мире Истину»¹². После утверждения христианства враги стали действовать изнутри Церкви, поднимая то «смуту» («σύγχυσις» 12:1), то «восстание» («στάσις», 12:2), то «строя засады» («ἐνεδρεύοντες», 4:27). «Вершиной» же смуты оказывается иконоборчество. Начинается «вторая борьба за Христа, затмившая собой те борения, которые были против других ересей»¹³. В результате нее многие из «ополчившихся венценосцев» поднялись в небесные обители (вспомним, что в Синодике Венценосцем называется посрамивший еретиков Господь: *Syn.* 1. 47, «Στεφανίτης»). Наконец, в заключающей проповедь молитве автор обращается к Спасителю: «Величайший Царю, дай нам меч, который Ты пришел водворить на земле, и огонь, который Ты, возжигая, низвел на

³ ὀνειδισμός, *Synodikon...* 1. 24.

⁴ κάκωσις, *Synodikon...* 1. 41.

⁵ τὰ δυσχερῆ, *Synodikon...* 1. 41.

⁶ ἐχθροὶ Κυρίου, *Synodikon...* 1. 32.

⁷ λυποῦντες, *Synodikon...* 1. 42.

⁸ ἀντιπάλοι, *Synodikon...* 1. 52.

⁹ ὁ Θεός... κατέρραξεν καὶ... κατηδάφισεν (*Synodikon...* 1. 22-23); συ... ἐξεμυκτήπισας... δειλοὺς καὶ πεφυγῶτας ἀπέδειξας (*Synodikon...* 1. 50-51) .

¹⁰ «мы молимся... чтобы отколовшиеся от веры снова вернулись и были вместе с нами, воздавая славу Истине и исповедуя ее душами и устами в похвалу Церкви». 16:59-62.

¹¹ ὥστε δὲ σωφρονεστέρους γίνεσθαι τοὺς ὑστέρους, τὰς τε τῶν πολέμων ὑποθέσεις ἐκεῖνων καὶ τὰς ἐκατέρων προαιρέσεις ἐπιγινώσκοντας τῶν ὀπλισμένων τε καὶ μετασχόντων τῆς μάχης καὶ τὰς ἐπ' αὐτοῖς τοῦ Θεοῦ ψήφους. 1:23-26

¹² 2:34-36

¹³ δεύτερος ἄθλος οὗτος ὑπὲρ Χριστοῦ, τοὺς μὲν ἐν ταῖς ἄλλαις αἰρέσεσιν ἀποκρούψας. 12:17-18.

землю, ... т.е. даруй нам, по любви к Тебе пребывать в мире с Тобою и Твоими законами, к восставшим же против Тебя и против них быть непримиримыми»¹⁴.

Зима

Геннадий подхватывает и тему зимы, заявленную в Синодике. Многие авторы VIII-IX вв. образно описывают иконоборчество как суровую зиму (ὁ χειμών), которая распространилась по Империи, принося православным неизмеримые страдания и мучения. Это понимание нашло свое отражение и в Синодике.¹⁵ В соответствии с интерпретацией Синодика, наступившая зима была попущена Самим Богом, Который впоследствии и избавил православных от нее (лето и зиму Ты учредил, помяни я, Пс. 73: 17-18). Зиме противопоставляется наступление торжества иконопочитания: «расцвела ранняя весна благодатей Божиих» («ἡ νθησεν ἡ μὴν τῶν χαρίτων τοῦ Θεοῦ τὸ πρωτοκαίριον ἔαρ»), в которую Церковь благодарит Бога «за благой урожай» («τῶν ἐπ' ἀγαθοῖς θερισμῶν»)

Геннадий использует образы природных катаклизмов (и, в частности, зимы) для описания ереси вообще. Приведем следующий отрывок:

<p>Ἀλλ' (ἦν γὰρ ἀνάγκη καθάπερ ἐπὶ τῶν ἄλλων, οὕτω δὲ κἀνταῦθα συμβαίνειν) ἀντίστατο μὲν ἐντεῦθεν ἡ τῶν τυράννων δεισιδαιμονία τῇ καλλίστῃ ταύτῃ σπορᾷ, ὑετῶν καὶ νιφάδων καὶ πάχνης ἢ αὐχμοῦ καὶ μυῶν ἀρουραίων, εἰ δὲ βούλει, καὶ πολεμίων ἔφοδον μιμουμένη, τὰ μὲν οὐδ' ἔῴσα τὴν ἀρχὴν τὸ σπέρμα λαβεῖν, τὰ δὲ συμπατοῦσα, τὰ δ' ἀνορύττουσα·</p>	<p>Однако (ведь необходимо, чтобы как в других случаях, так и в этом случилось так) этому прекраснейшему семени [христианской веры] противостояло суеверие тиранов, действовавших наподобие проливных дождей, снежных бурь и иней, или засухи и нашествия полевых мышей, если же хочешь, и подражая набегу врагов, одними мерами не допуская, чтобы семя принялось, другими - подавляя его, а иными исторгая его.</p>
--	---

Видно, что здесь соединяются все три линии: и идея неизбежности злосключений («ведь было необходимо»), и образ зимы («проливные дожди, снежные бури и иней»), и сельскохозяйственный мотив «семени», которым автор искусно помещает всю ситуацию в контекст евангельской притчи о сеятеле. Следует, впрочем, отметить полное отсутствие лексических параллелей между текстами Синодика и Геннадия.

Несвященность еретической иерархии

В Синодике патриархи-иконоборцы первого периода (Анастасий, Константин, Никита) названы «несвященными»¹⁶. Патриархи второго периода (Феодот, Антоний, Иоанн) «сменившими друг друга в нечестии»¹⁷. Им противопоставлены православные патриархи (Герман, Тарасий, Никифор, Мефодий) - «поистине Божии архиереи»¹⁸. Видно, что автор Синодика подчеркивает преемственность и незапятнанность церковной иерархии, в то время как вожди иконоборчества, как «несвященные», этой иерархии не принадлежат и никогда не принадлежали.¹⁹

¹⁴ 16:23-27

¹⁵ Наиболее ярко эти образы показаны прп. Феодором Студитом и свт. Никифором.

¹⁶ ἀνίεροι (Synodikon... I. 172).

¹⁷ ετεροδιαδόχοι τὴν δυσσέβειαν (Synodikon... I. 174).

¹⁸ ἀληθῶς ἀρχιερεῖς Θεοῦ (Synodikon... I. 110).

¹⁹ Неслучайно так же, как отмечает Ж. Гуйяр, и расположение имен в диптихах. Все семь упомянутых епископов участвовали в соборе свт. Никифора 24 декабря 814 года и в беседе с императором Львом в царском дворце на следующий день. Ж. Гуйяр из этого делает вывод, что свт. Мефодий здесь опять подчеркивает преемство православного епископата, возводя его к собору свт. Никифора 814 года. *Gouillard J. Le Synodikon... P. 143-144.* Диптихи прославляют пять подвижников: Феодора Студита, Исаакия (Феофана Исповедника), Иоанникия, Илариона Далматского, Симеона столпника. Здесь представлены монашествующие всех традиций: от самого централизованного общежития (Феодор) до крайнего отшельничества (Симеон).

Ту же позицию, хотя и не так активно, занимает и патр. Геннадий. По преимуществу «лжеиерархом» он называет Македония, в уста которого вкладывает и учение об исхождении Св. Духа от Сына. Заклучая свое изложение истории ересей, Геннадий замечает, что «следует не желать принимать в общение тех, кто нагло захватили власть в течении столь продолжительного времени»²⁰.

Идею преемственности автор раскрывает за счет замыкания на Никее круга Вселенских Соборов: «и собирается собор в Никее, как бы завершая круг в истории Вселенских Соборов в том же городе, где он и начинался, и восстановили иконы и вернули подаваемое ими благочестие»²¹. Находясь в рамках этой идеологической конструкции, Геннадий вынужден полностью умолчать о событиях второго иконоборчества. Вообще же вся история ересей, как это принято и в наше время, Геннадием излагается через последовательность Вселенских Соборов.

Философия

Продолжая линию анафематизмов Синодика против Итала (или просто озвучивая собственные томистские симпатии), Геннадий делает выпад против философии. Под ударом оказываются «Платон и его вздорные мнения» и следующие им манихеи и Ориген. Общий вывод таков: «не должно пытаться смешивать мрак со светом, ни Велиара с Христом» (4:19-22). Впрочем, в своем кратком упоминании об Итале (фактически, только имя) Геннадий ничего не говорит о его философских симпатиях.

Торжество над всеми ересями

Богослужебная тема праздника Торжества православия - восстановление иконопочитания. Именно этому событию посвящены все тексты малой, великой вечерни и утрени.²² Текст Синодика 843 г. посвящен исключительно иконопочитанию.²³ Добавления последующих периодов касаются только внутренних византийских споров. В тексте Синодика мы не найдем следов ни антилатинской, ни антиармянской, ни какой бы то ни было другой внешней полемики, хотя после IX в. на эти темы велись оживленные споры.

Геннадий Схоларий особо оговаривает, что «как было в начале, так и теперь собственным поводом и основанием настоящего торжества является восстановление священных икон и должного им почитания» (1:1-3, см. также и 13:1-2). Однако иконопочитание для Геннадия является только поводом, праздник же предназначен, «чтобы вместе с уже воздвигнутыми трофеями, полученными Церковью за последние ее успехи и подвиги, также были бы воздвигнутыobelisks в честь прежних битв», для назидания потомков. Православие торжествует над гонениями языческих правителей, над внутренними ересями, над «чужеземными учениями» («τὰ ὑπερόρια δόγματα», 13:19). Собственно вопросу об иконах в «Слове» посвящена всего одна глава, а в классификации ересей в 14 главе иконоборчеству отведено скромное место: «при сравнении с иными еретиками, которые погрешают относительно главнейших предметов веры, те, кто были враждебны к священным иконам, заслуживает большего снисхождения, разве только кто... не сочтет их худшими из всех» (14:28-31).

Вероятно, под этим подразумевается единство православных перед лицом иконоборческой ереси. Большое число имен заметных деятелей борьбы за Православие отсутствуют в диптихах (например, братья Начертанные, Михаил Синкелл, Макарий Пелекитский, Никита Мидикийский). Ж. Гуйяр считает, что это объясняется тем, что часть из них не были византийцами (как Михаил, братья Начертанные), а другая (как Никита) не всегда была тверда в исповедании православия. Там же. Р. 147.

²⁰ δεῖ ... μηδὲ κοινωνεῖν ἐθέλειν αὐτοῖς ἐφ' ὕψει τῶν ἐκ πλείστου κεκρατηκότων. 12:44-47.

²¹ καὶ συνίσταται σύνοδος ἐν Νικαίᾳ, καθάπερ ἐν κύκλῳ πρὸς τὴν αὐτὴν ἐπανακάμπτοντος πόλιν τῶν οἰκουμενικῶν συνόδων τοῦ τέλους, οὐ καὶ τὴν ἀρχὴν ἔσχον γίνεσθαι, καὶ τὰς εἰκόνας αὐθις ἀνασπῆλοῦσι καὶ τὴν δι' αὐτῶν εὐσέβειαν ἐπανάγουσιν. 12:22-25.

²² за исключением одной из стихир на стиховне малой вечерни: **Гр** **е** **з** **н** **е** **н** **и** **с** **т** **а** **у** **г** **р** **д** **н** **и** **с** **т** **р** **л** **ь** **с** **т** **в** **л** **е** **д** **н** **а** **г** **е** **р** **л** **а**, **с** **в** **и** **л** **ь** **р** **а** **ж** **и** **в** **п** **р** **д** **н** **е** **с** **л** **л** **ь** **с** **л** **л** **ь** **т** **р** **л** **е** **н** **н** **й** Происхождение этой стихир неясно. Возможно, она принадлежит тому же автору, что и стихир на Господи воззвах: монаху Николаю, XIV в.

²³ Единственная фраза, допускающая расширительное толкование: «праздник, несущий нам все спасительное. Ибо на иконах мы видим превосходящие нас Владычные страсти, Крест, Гроб, ад умервщляемый и побеждаемый, подвиги мучеников, венцы, само спасение».

Антилатинская полемика.

«Слово» будущего патриарха Геннадия было произнесено в беспокойное для Церкви время, когда вопрос о вероотступничестве стоял особенно остро. Свой протест против унии Геннадий выражает дипломатично, но вполне определенно. Полемика ведется только по вопросу о *filioque*. Учение об исхождении Духа от Отца и Сына Геннадий вкладывает в уста ересиарха Македония, а церковное отвержение этого учения относит ко второму Вселенскому Собору: «при этом в Символе веры они поместили слова из Евангелия, авторитетнее чего ничего не могло быть: «от Отца исходит» ... и отстраняют все заблуждение Македония (которое заключалось в том, будто Сын является творческой причиной Духа)» (7:25-36). В качестве поясняющего отступления, к теме *filioque* Геннадий возвращается и в разделе о монофелитах (гл. 11). Говоря о ересь, возникших после Торжества Православия, Геннадий упоминает только имена приезжих с Запада в Империю деятелей - Иоанна Итала, Нила Калабрийского и Варлаама, - замечая, что все они основывались на «одном из неких чужеземных учений». Молчанием обходятся имена византийцев по происхождению Евстратия Никейского, Сотириха Пантевгена, Константина Керкирского и Иоанна Иреника. Классифицируя ереси, патриарх приходит к выводу, что наихудшими из всех еретиков являются те, кто позволяют себе хулу на Св. Духа, которая по Евангелию не может быть прощена.

Заключение

Идея праздника Торжества Православия сильно эволюционировала за 600 лет со своего рождения. При этом удивительно, как будущий патриарх Геннадий Схоларий тонко воспринимает образы, в которых эта идея существовала еще в IX в: тема зимы и весны, «несвященности» еретической иерархии, военная терминология. Все эти образы он творчески перерабатывает в соответствии с концепцией своего времени. Обороняющиеся православные IX в. оказываются «ополчившимися венценосцами» в XV в.. Чистота преемственности, как оказывается, проходит не только через период иконоборчества, но и через всю историю Церкви.

Автор переносит акцент праздника с воспоминания победы иконопочитания на торжество Православия над всем вообще: от политических условий до внешних теологических концепций. Споры об иконах оказываются просто одними из споров, в чем-то даже менее значимыми, чем другие. Все же они выделены по значению, как споры, окончившие эпоху Вселенских соборов и послужившие поводом для установления праздника. Важно, что для Геннадия Православие не только восторжествовало в древности, но продолжает торжествовать и сейчас, показывая свое превосходство над современными латинскими измышлениями (это показано и грамматическими средствами: в заключительной молитве сохранена тема борьбы и используются по преимуществу главные времена). Ощущение актуальности праздника по антилатинскому вопросу поддерживается до самых последних слов молитвы: «и сподоби нас познавать Тебя, Единородного Сына истинного Бога, и совечного тебе Отца, и от Него имеющего бытие, и Твоего по природе и посредством Тебя являемого Всесвятого Духа единого Бога, сущего в Св. Троице Лиц, Которому подобает слава и поклонение от всей твари во веки. Аминь».